

АРТУР
БРЮС

ПЕРЕХОД

Артур Брюс

Переход

«Издательские решения»

Брюс А.

Переход / А. Брюс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517171-9

«Переход» родился, когда я был на самоизоляции. Показалось интересным смоделировать ситуацию в будущем. Скажем, на станции в дальнем космосе. Итак, космонавт Сергей Крестовский расследует клубок странных событий. Втягиваясь в череду непонятного, он сознает, что самому не справиться. Как сложится судьба героя? Сумеет ли он заручиться поддержкой коллег и вернуться домой? «Переход» именно об этом. А еще — о пути к самому себе. Ибо во всем таится смысл. Надо только разглядеть его. (Артур Брюс).

ISBN 978-5-00-517171-9

© Брюс А.
© Издательские решения

Переход

Артур Брюс

Дизайнер обложки Иван Ольховатов

Текст Сергей Сергошин

Корректор Сергей Сергошин

Редактор Сергей Сергошин

© Артур Брюс, 2020

© Иван Ольховатов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7171-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самоизоляция порядком надоела уже на третий день. Не то что бы я маялся – всегда есть вещи, которыми можно заняться. Вынужденное затворничество изматывало морально. Угнетало пребывание в замкнутом пространстве, однообразии быта. И внешне словно ничего не изменилось. Даже рабочие обязанности выполнялись по-прежнему. В блоке находился кабинет, где стоял компьютер, приборы.

Сложность заключалась еще и в том, что изоляция протекала на другой планете. И изолировались мы от остальных участников вахты. Своего рода самоизоляция в самоизоляции. Посреди совершенно необитаемого мира, где кроме тридцати человек на базе для исследований не было больше ни одной живой души.

Планета по виду напоминала Землю. Помню, когда челнок отстыковался от корабля, чтобы доставить нас сюда, у многих возникло ощущение, словно мы никуда не улетали. Тут многое походило на наш мир – моря, океаны, реки, горы, континенты. Вот только в планетных водоемах никто из нас никогда не купался. В них не водилось никакой живности. По всем показателям состав воды почти не отличался от земной. Кроме одного. Необитаемости. Морская была слишком соленой для земной – вроде воды Мертвого моря, речная – слишком пресной. Настолько, что пить ее оказалось невозможно. По крайней мере, так нам говорили. Я никогда в жизни не был на Мертвом море, а пресную воду дома всегда обрабатывали, чтобы она ничем не отличалась от бутилированной. Здешняя вода из реки словно подверглась десятикратной обработке. Слишком стерильно – организм такую не принимает.

Когда-то давно, в прошлом веке, рассказывают, все было по-другому. В море купались, в речке ловили рыбу, а воду пили прямо из-под крана. Как жили эти люди? Неужели не боялись инфекций? Иногда мне казалось, будто исторические сведения намеренно исказили. Ну не могло просто так происходить. Свои мысли, впрочем, разумнее держать при себе.

На станции находилась специальная установка, которая забирала воду из реки поблизости и особым образом подготавливала. Только тогда ее можно было употреблять. Поговаривали, что первые земляне, рискнувшие попробовать воду из речки, потом долго болели. Их пришлось изолировать – совсем как нас сейчас. А также и вступивших с ними в контакт, потому что у всех обнаружился вирус, передающийся воздушно-капельным путем. Через три недели люди выздоровели, но это затормозило течение первой экспедиции.

На планете отсутствовали не только обитатели водной среды. Здесь не наблюдалось животных и птиц. Абсолютно никаких. Не было насекомых. Зато бурно процветал мир флоры. Все эти гигантские папоротники, огромные деревья, кусты в три человеческих роста. Папоротниками называли такие растения условно – просто они форме походило на земные. Деревья

вырастали, отживали свой век, умирали, падали всем весом на поверхность планеты – фантастическое, скажу вам, зрелище. Внизу они разлагались на протяжении долгих месяцев.

А поскольку смены времен года в этом мире практически не наблюдалось, климат представлял собой нечто вроде земных субтропиков, бразильских джунглей. Или первобытного мира времен динозавров. Без всякого намека на них.

Одним словом, здешний мир – еще та загадка. Я читал в учебниках, как воодушевились ученые в 2010-х, когда Хорос открыли. То время – бум обретения экзопланет. Это в наши дни мы понимаем, что многие из открытий являлись гаданием на кофейной гуще. Тыканьем пальцем в небо. Несовременны были телескопы. Землеподобных планет на самом деле в разведанном космосе наберется едва ли с десяток. И наша – первая, куда ступила нога человека.

Она вращалась вокруг одноименной звезды, находящейся на расстоянии двухсот световых лет от Солнца. Тогда исследователи писали, что это – одна из немногих, действительно пригодных для жизни. Только двести световых лет казались просто огромным препятствием.

Прошло столетие, человечество изобрело возможность быстрого преодоления расстояний между звездами – субнейтринный двигатель. Потом построило корабли, способные выполнять при помощи такого двигателя прыжки в межзвездном пространстве. И вот мы здесь, на Хоросе. Через год полета. Или прыжка. Третья экспедиция.

После двух первых исследовательских миссий изучение Хороса мало продвинулось. Первопроходцы провели здесь год, успели построить базу и собрали общие сведения. Вторая экспедиция в изучении загадок планеты также достигла немногого – всему виной стал случай, произошедший через полгода работы. Там произошел некий инцидент во время полевых работ.

Мы периодически выходим за пределы базы. Бродим в этих зарослях, берем пробы воды и воздуха. Стараемся при помощи роботов узнать, что находится в почве. Оставляем камеры наблюдения и приборы. Пытаемся изучить растительность, внешне так похожую на земную. Однако, далеко не продвинулись. Здесь все как-то не соответствует внешнему виду. Вода не пригодна для использования без обработки, на деревьях и кустарниках нет никаких плодов. И воздух, который вроде без примесей, на самом деле никуда не годится. В нем слишком много кислорода. Поэтому за пределы базы приходится выбираться в легких скафандрах, с фильтрами для дыхания, отрегулированными под земные условия. Поговаривают, что четвертую экспедицию сократят втрое. Центр не видит смысла держать здесь столько людей. Там уже решают, что делать с Хоросом дальше. Высвободившиеся человеческие ресурсы сосредоточат на исследовании других планет.

В закрытом секторе базы, где сейчас на карантине мы, изолировали и десять участников предыдущей экспедиции. Через некоторое время все они попросту пропали. Не было и намека на то, что эти люди каким-то образом вышли из станции. Наблюдение здесь на должном уровне. Просто в один из дней космонавты перестали отвечать на вызовы из боксов.

Ситуация, скажу вам, нештатная. И случилась она, когда до прибытия следующей смены, то есть нас, оставался месяц. Особенность субнейтринного прыжка заключается в том, что его нельзя прервать. После прилета руководство на Земле приняло решение – мы остаемся здесь, а предыдущий экипаж возвращается домой.

Разумеется, был поставлен целый ряд условий, как вести себя в такой ситуации. К ранее сделанным указаниям прибавили еще одно – продолжить расследование происшествия и поиски пропавших. Вторая экспедиция за месяц ничего не добилась в этом направлении. Впрочем, не сильно продвинулась и наша.

Зуммер браслета связи на руке прервал мои размышления.

– Крис, как дела?

Это Иван Фомин, один из двадцати пяти неизолированных. Врач команды.

– Нормально, Иван. Скучновато только стало.

Пообщались минут пять. В здешних боксах мне нравилось расположение комнат – они позволяли ходить по кругу, чем я и воспользовался во время нашего разговора.

Фомин периодически нас обзванивал. Раз в день мы говорили и с командиром, Шестаковым – докладывали о результатах наших исследований. От работы никто не освобождал, несмотря на болезнь. И еще обсуждали текущие рабочие моменты.

– Температура в норме, – доложил я Ивану.

– Вижу, – сказал он.

В этом не было необходимости – приборы браслета фиксировали состояние постоянно. Просто доктор просил постоянно рассказывать о своих ощущениях, делиться мыслями.

Вирус протекал у всех по-разному. Поговаривали, что в прошлом столетии на Земле случилось нечто подобное – многие тяжело переболели. С тех самых пор появились такие понятия, как социальная дистанция, ношение защитных масок в общественных местах. Лет через десять об этой болячке забыли. Маски сняли. Дистанцироваться вошло в обычай, но без фанатизма. Нормально ведь, когда у каждого есть представление о комфортном личном пространстве.

А в наше время человечество победило все болезни. Да и само понятие – болеть – было знакомо только по учебникам. Хорос напомнил, что такое болезнь.

Не у каждого, конечно, но все-таки у большинства, после прямого контакта с атмосферой планеты появлялись симптомы простуды – насморк, кашель. Повышалась температура. Ее снижали с помощью лекарств – уже первой экспедиции отправили программу для корабельного материализатора с подробными кодами по изготовлению таблеток и капсул для приема внутрь. В основном жаропонижающие, антибиотики и кое-что еще. Некоторым понадобились внутривенные инъекции. Врачи первой миссии впервые в наше время столкнулись с явлением, когда обычные медитативные практики на заболевших не действуют. Не работали и психологические приемы, с помощью которых сегодня в основном и лечат людей. Про лекарства доктора, конечно, в теории знали. Даже, наверное, изучали в институтах.

Фомин рассказал однажды, что перед полетом перечитал горы старинной литературы, просмотрел архивные сайты. Он понимал, что раз уж вторая экспедиция столкнулась с тем же самым явлением, что и первая, врачу третьей нужно быть во всеоружии.

Браслеты теперь снабдили функционалом из прошлого – измерением давления и температуры, а также несколькими полезными подобными программками. Датчики передавали все сведения непосредственно в кабинет доктора. Еще их пришлось перенастроить под возможности старой операционной системы 21 века. По другому программы не смогли бы заработать, а писать новые смысла не было. Да и не успели бы. Иван подчеркивал, что в постоянном контроле показателей – залог нашего выздоровления.

Таймер браслета подал сигнал. Экран показывал, что настало время обеда. Есть совершенно не хотелось. Иногда жизнь по расписанию становится в тягость.

Блок космонавта-исследователя на станции Хороса представлял из себя капсулу площадью около ста квадратных метров. Она обладала свойством совершенной автономности. В случае непредвиденного катаклизма в жилище, ставшем убежищем, можно продержаться целый год. Самостоятельно сумел бы существовать и отдельный модуль, в котором размещалось тридцать таких капсул. На станции имелись три жилых модуля, а также рабочий, блок для отдыха, технический, командный и кое-что еще.

Как я уже говорил, комнаты располагались по кругу. Спальня, санузел, прихожая, кухня, рабочая и большая гостиная. В центре находился коридор, из которого двери вели в санузел, прихожую и гостиную. Из прихожей можно попасть в кухню и рабочий кабинет, из рабочего – в гостиную, а из гостиной – в спальню. Когда не хватало двигательной активности, я занимался ходьбой – из коридора в прихожую, дальше в рабочую, гостиную и снова в коридор. Не спортзал, но приемлемо. В гостиной, кстати, стояли два тренажера и беговая дорожка, но мне нра-

вилось просто походить. На дорожке не чувствуешь перемещения в пространстве, хотя организм как будто двигается.

Большая площадь капсулы объяснялась достаточно просто. Первую миссию планировали более многочисленной. И планировки комнат с лихвой должно было хватать на двоих. Незадолго до начала полета ученые на земле пришли к выводу, что и в условиях космоса у каждого члена экипажа все же должна иметься возможность для уединения. Теория личного помещения, которое задействовано в числе прочего для восстановления сил, повышения психологической устойчивости. Но проект базы переделать не успели. А переоборудовать схему капсулы – пожалуйста. Переименовать большую рабочую комнату, спроектированную для удобной деятельности двоих, в гостиную. Перенести оборудование в одну из спален и назвать ее рабочим кабинетом. Никаких проблем для указаний роботам-строителям. Оптимизировать состав экипажа. Поэтому мы сейчас и наслаждаемся такими пространствами.

На обед я сварил пельмени, посыпал их перцем, заправил сметаной. Пальчики оближешь. Аппетиту пришлось повиноваться.

Часа через два вышел из каюты в общий коридор блока. Вдоль стены располагался ряд дверей. Следующие четыре – боксы моих изолированных коллег. Общаться нам рекомендовалось только с помощью браслета, чтобы не усугубить течение болезни. В дальнем конце виднелась дверь в другие помещения станции, но нам туда путь был закрыт до конца карантина. Выходить в коридор по одному не возбранялось – все тут же вентилировалось и дезинфицировалось.

Напротив находились пустые каюты. Те, в которых жили пропавшие во второй экспедиции. Здесь – ничего примечательного. Обычные блоки, такие же, как у нас. Все пересмотрено и изучено сотни раз, никакой зацепки.

Я подошел к третьей двери. Она не была заперта. Как, впрочем, и остальные. Именно тут обитал мой старый друг – Павел Лазарев. Обитал, пока не исчез.

Земля распорядилась не трогать вещи пропавших и не заселять никого в их каюты. Наверное, такое решение выглядело логично. Во-первых, не удалось выяснить всех причин исчезновения. Даже и намека на это не наблюдалось. А во-вторых, оставляя все, как есть, мы и себе оставляли словно некую надежду на их возвращение.

Я читал отчеты поисков, а с ребятами из второй экспедиции успел пообщаться лично. Дроны прочесали каждый кусочек суши Хороса, просканировали все заросли и водоемы. Безрезультатно. И самое загадочное, что одновременно десять человек как в воду канули, не оставив ни единого следа. Данные камер станции свидетельствовали, что из капсул люди не выходили. В самих капсулах – пусто. Все вещи на месте. Загадка? Еще какая. Впрочем, загадок Хорос подкидывал немало.

Каюта Лазарева ничем не отличалась от остальных. Побывал я в ней в самый первый день после прилета, надеясь, что дружба с Пашей позволит увидеть то, чего другие не смогли. Безрезультатно. Потом полгода работы совершенно закружили, и сюда я больше не заходил. А после того, как нас изолировали, стал приходить опять. Каждый вечер заглядывал на какое-то время, садился за рабочий стол друга, крутился в кресле, вспоминал разные совместные мероприятия на Земле.

В отчетах говорилось, что заболели Лазарев с коллегами после одной из вылазок на берег реки. Биологи решили собрать образцы растительности для изучения. Тогда еще не могли разобраться, почему у растений нет плодов и каким способом растения размножаются. Не совсем понятно это и сейчас, но кое-что стало проясняться.

Всех десятых пришлось эвакуировать. Они лежали без сознания возле воды, целые и невредимые. Только шлемы сняты. Надо сказать, первые полчаса ребята поддерживали с базой связь. А потом перестали отвечать. На них были те же Л15, что и у нас. Оставалось загадкой, для чего космонавты сняли шлемы.

К разгадке отсутствия плодов местной фауны почти удалось приблизиться во время последнего выхода, после которого попали на карантин теперь уже мы. В экспедиции было пятеро. Космонавты-исследователи, универсалы, способные выполнить любые изыскания, имеющие неплохой опыт работы в разных условиях. Со мной на глассере в тот день полетели Чайковский, которого для краткости звали Чайкой, Петер Костка (Костик), Горовичка и Смирный – Сергей Смирнов.

После нашего возвращения у руководства возникла проблема. И заключалась она в скафандре. Легкий Л15, который использовался для выхода на Хорос, идеально подходил для работы. Ткань не пропускала воздух, фильтр на спине прекрасно справлялся со своей задачей – не дать попасть в организм здешней атмосфере. Шлем, позволявший хорошо видеть и свободно вертеть головой. При его производстве использовался какой-то новейший пластик. Шлем невозможно разбить никаким инструментом, он защищал голову при легком ударе. На Земле Л15 вовсю применяли при разных экстремальных работах. И даже в воде шлем позволял удобно себя чувствовать на глубине до двухсот метров. Неоспоримое достоинство скафандра – перчатки. Когда космонавт брался за что-нибудь, сохранялось ощущение, будто держишься просто рукой. Раньше в любом скафандре тактильных ощущений в перчатках не было. Поговаривали, что на Земле работают над возможностью переноса таких тактильных ощущений на всю экипировку, а не только перчатки. Если правда, труд космонавта-исследователя станет еще комфортнее.

Мы пролетели от базы километров пятнадцать и высадились на берегу реки. Смирный с Горовичкой, едва выпрыгнули из глассера, начали колдовать над дроном, который намеревались запустить на время нашего отсутствия. Они потом еще хотели выкатить и передвижного робота-исследователя. А целью нашей тройки была пещера, располагавшаяся в склоне горы, покрытой лесом. И пробы почвы по пути следования. Примерно полтора километра. Чайка и Костик достали внушительные мачете и пошли за мной.

– Будем надеяться, что они не понадобятся, – сказал я, как только мы вступили в густую траву. Трава росла по пояс и занимала все расстояние до склона.

В пещеру пытались попасть наши предшественники – предыдущая экспедиция. Не получилось там что-то. А до этого в нее попробовали запустить робота. Робот проехал метров двадцать от входа. Успел передать изображение – пещера оказалась достаточно большой, уходила куда-то вниз, плавно так. Слышался шум воды. А потом сигнал пропал. Робот тоже. Просто перестал выходить на связь. Нам предстояло найти его и вернуть.

Мачете действительно почти негодились. Идти пришлось неспешным шагом, разглядывая все, что попадалось под ноги. Опасались провалов в рыхлой почве, скрытых от глаз. Именно так коллеги из первой экспедиции повредили свою экипировку. Стоит сказать, что никаких скафандров на них вовсе не было. Легкие защитные костюмы, маски для дыхания. Вот и все. После того случая выход за пределы базы без скафандров запретили.

Мокрая трава задевала ноги, хлестала по поясу. Очень скоро наше снаряжение покрылось влагой. Разумеется, только снаружи.

В это время дожди на планете считались редкостью. Стояло лето, не сезон. Дожди начинались поздней осенью, продолжались всю теплую зиму и завершались в середине весны. А летом присутствовал парниковый эффект, когда близость рек и морей позволяла почве впитывать росу, которую выделяла покрывавшая ее растительность. И хватало с избытком – летом все росло обильно и быстро. Даже слишком. Исследования в поле также проводились в основном летом. В другое время года этот процесс сопровождался определенными трудностями, связанными в том числе и с передвижением. Если вы когда-либо попадали в болотистую (или простую сельскую) местность на Земле во время дождей, понять, что я имею в виду, будет нетрудно.

Сегодня я снова оценил достоинства скафандра – как только отряд очутился на открытом участке, где травы не было, наши ноги через минуту уже выглядели так, будто никогда

не намокали. Отличная работа инженеров. К тому же внешняя ткань (для удобства все называли материал именно так) имела функцию самоочистения. Темно-коричневая поверхность вместе с остатками влаги удалила и налипшую к ногам грязь со следами травы. Все продумано.

Так, периодически останавливаясь и изредка перебрасываясь короткими фразами, наша тройка достигла подножия горы. Разговаривать только по делу во время выходов – железное правило. Скольким было случаев, когда балагуры-исследователи увлекались шуточками и теряли концентрацию. Многим это стоило жизни. Примеров масса.

Перед входом в пещеру пришлось все-таки поработать инструментом – растительность здесь выглядела не совсем травой. Гигантские стебли толщиной в руку оказались, впрочем достаточно мягкими.

Через пару минут я уже стоял у свода высотой примерно метра три. Присмотрелся. Темновато. Дневному свету мешали стволы росших возле входа деревьев, закрывали своими кронами лучи светила. Прислушался – шлем достаточно четко передавал внешние звуки. Мои спутники в это время застыли, увидев поднятую руку. Изнутри доносился звук, похожий на шум воды. Сканер показал, что пространство впереди свободно. И только я собрался достать фонарь и шагнуть вперед, как все и произошло.

Внезапно и неожиданно. Одно из деревьев, росших неподалеку, вдруг начало падать прямо в нашу сторону. Мы едва успели отскочить, ботинки костюмов автоматически спружинили, отбрасывая нас в разные стороны на безопасное расстояние. Ноги, натренированные для таких ситуаций, привычно приготовились повторно оттолкнуться от поверхности. Дерево оказалось слишком большим, и во время второго прыжка я увидел, а затем почувствовал, что ветки все-таки хлестнули нас. И самое неприятное, они причинили урон. Скафандры всех троих были разодраны листьями, по виду похожими на листья туи, но заканчивающимися иголками на конце. И хотя костюмы тут же включили функцию восстановления, каждого успело оцарапать.

Упавшее дерево приоткрыло модель размножения растительности Хороса – посредством корней. Их длинные разветвления уходили в разные стороны. Образовавшаяся в мягкой почве яма внушительных размеров показала, что корни соединялись между собой. Словно переплетения проводов в каком-нибудь колодце древней телефонной службы.

На Земле подобное тоже было возможно. Но здесь такой способ, похоже, являлся единственным. И выходило, что вся растительность тем или иным образом была друг с другом взаимосвязана. Даже трава коренными отростками вплеталась в корни деревьев, находящиеся неподалеку от поверхности, и соединялась с ними.

Глиссер с Володей и Смирным прилетел максимально быстро, раны обработались умными устройствами скафандра, но это не помогло.

Еще в полете у нас началось головокружение, ощущение нехватки воздуха. Пришлось снять шлемы. Неприятные ощущения не проходили.

Потом Фомин, облаченный в специальный защитный костюм, поколдовал над всеми пятерыми в своих владениях и вынес вердикт об изоляции. Чего, впрочем, и следовало ожидать, помня истории предшественников.

На второй день основные показатели стабилизировались, на следующий я уже сидел за рабочим компьютером. К вечеру предложил командиру кое-что. Шестаков одобрил, главный материализатор потрудился, и к утру на базе были улучшенные варианты костюма Л15, прошедшие тут же испытания на прочность. Просто я вспомнил уроки из ускоренного курса промышленной химии, заглянул в недра машинной памяти – и вот результат. Среди приятных бонусов – благодарность руководства и отсылка усовершенствования на Землю с запросом на патент.

А сегодня в каюту Паши я зашел не случайно. Хотел найти одну штуковину. Позавчера вечером, просматривая историю действий друга, я обратил внимание, что он на третий день изоляции пользовался каютным материализатором вне обязательной программы.

Материализаторы, помимо центрального, находились у каждого в жилом блоке и позволяли получать небольшие необходимые предметы – пищу, одежду, всякую мелочевку, нужную в быту. Аппарат имел свою клавиатуру ввода, которая стояла на кухне. Так было очень удобно. Если требовалось что-то другое, с прибором соединялись посредством каютного компьютера. Специальная программка позволяла вводить и настраивать требуемые параметры желаемого.

История, сохранившаяся на жестком диске, показала, что материализовал Лазарев. Расширитель. Интересно, зачем он здесь понадобился? Не думаю, что моему другу не хватало площади.

Расширитель впервые упоминается с конца XX века. Прадед рассказывал мне, еще маленькому, как впервые столкнулся с этой интересной штуковиной.

Представьте себе Россию примерно в 1995 году. Предание гласит, что это было трудное время на сломе общественных формаций. Прадед вспоминает его, впрочем, не таким. Может, потому, что он был тогда молодым, только-только женился и смотрел на жизнь, переполненный семейным счастьем и другими переменами в судьбе. Мой прадед в этом году стал священником.

Как всякому священнослужителю, ему приходилось совершать частные требы – причащать больных, отпевать усопших, освящать дома. Во время одного из таких освящений он и познакомился с принципом действия пожалуй, одного из первых в мире расширителей.

Суть вот в чем. Большой город, почти миллионник. Квартира в спальном микрорайоне. Молодая пара подъехала за ним на собственном авто – в девяностые уже это было престижно. Тем более, импортного производства, новое. В то время немногие могли себе подобное позволить. А те, у кого машина имелась, передвигались в основном на отечественных.

После того, как зашли в квартиру, прадед в процессе подготовки к обряду поразился количеству комнат и площади самой квартиры, которая просто не должна такой быть, судя по размеру дома снаружи. Он, впрочем, как ни в чем не бывало, все провел как надо. И только закончив обряд, после, когда гостеприимные хозяева усадили пить чай, отважился спросить, что не так.

Молодой хозяин, улыбнувшись, ответил, что ждал этого вопроса. И рассказал о своем изобретении. Расширитель представлял собой прибор, позволявший немного (или намного) раздвинуть пространство там, где его не хватало. Обойти законы физики, поскольку для настоящей науки никакой закон догмой не является. И получить в итоге требуемое количество комнат. В квартире, доме, на даче – да где угодно. С массовым внедрением этого изобретения, пояснил молодой ученый, у человечества появляется много возможностей для достойного обустройства. В любой подсобке теперь можно с комфортом разместиться. И даже в однокомнатной квартире, как сделала это сейчас молодая пара.

Тогда я с интересом слушал рассказы прадеда. Потом, лет через пятьдесят, расширитель действительно стал массовым продуктом. До того – доступным немногим. Однако, сказать, что даже став относительно распространенным, он пользовался большой популярностью, нельзя. В основном прибор брали на дачи, а после техника и наука позволили решить вопрос с жизненным пространством более доступными способами. В общем, продукт нишевый, как сказали бы маркетологи.

Но Лазарев такой прибор для какой-то цели изобрел. Для чего – загадка. Еще одну загадку жизнь подкинула в тот самый момент, когда я открыл справочник с описанием и историей аппарата. В первых строчках значилось, что расширитель в 1995 году изобрел молодой российский ученый Даниил Лазарев.

Похоже, это был прадед Павла. Который в конце XX века был знаком с моим прадедом. Удивительные сюрпризы преподносит иногда судьба. Мы с другом жили на соседних улицах, наши родители знали с незапамятных времен. Выходит, и прадеды могли тоже приятельствовать. Нужно не забыть расспросить об этом деда. Когда вернусь.

Однако, сюрпризы на этом не закончились. Расширителя я в каюте Лазарева не нашел, сколько ни старался. Обычно прибор, насколько мне помнилось, представлял собой нечто вроде продолговатой пластиковой планки серого цвета, который закрепляли на косяке двери одной из комнат. К нему также прилагался пульт управления, плоская штучка с кнопками и экранчиком, такого же серого цвета. На пульте выставлялись нужные параметры, а сам расширитель работал от беспроводной электрической сети.

Ни прибора, ни пульта здесь не было. В рабочем компьютере Павла имелась только запись о команде материализатору. Ничего больше.

В технике я разбираюсь неплохо. Но, в случае, если сам чего-то не понимаешь, можно обратиться либо к знаниям человечества, содержащимся в базах данных, либо к человеку, который необходимыми знаниями обладает.

Я спросил про материализатор нашего главного инженера – Виктора Глущенко.

Виктор рассказал нечто такое, что помогло ситуацию прояснить. Поскольку он был в курсе всех, ну или почти всех достижений современной науки. Оказывается, незадолго до начала второй экспедиции на Хорос на Земле кто-то подал патент на усовершенствование расширителя. Кто именно, он не помнил. Обещал посмотреть. Прибор теперь мог иметь форму обычного накопителя, который позволялось вставить в соответствующее гнездо браслета связи.

– Ты понимаешь, что это означает? – спросил Глущенко.

– Мобильность?

– Именно так. Теперь с ним можно ходить, а не оставлять в помещении.

– А работать он тоже в разных местах будет, ну, в смысле, расширять?

– Нет. Там где он включается, пространство расширяется. А тебе для чего?

– Пока не знаю, – ответил я. Я и в самом деле пока не понимал, есть ли здесь какая-то связь с исчезновением Лазарева. – Возможно, это как-то относится к пропаже тех десяти, из предыдущей экспедиции.

– Держи меня в курсе, если что узнаешь, – сказал Виктор.

Я пообещал. А потом вернулся в бокс Павла и посмотрел историю действий с материализатором. Так и есть. На другой день после команды на изготовление расширителя мой товарищ дал прибору еще одно задание. Сделал себе новый браслет-коммуникатор. Ясно. Стандартные браслеты выпускались без картоприемников. Памяти хватало, дополнительных устройств не требовалось. Никто на эту запись особого внимания не обратил – коммуникатор вполне мог выйти из строя по разным причинам.

Ночь прошла плохо. Сначала вообще не мог уснуть, ломая голову над новой загадкой. Для чего это Пашке понадобился мобильный расширитель? Какое пространство он им собрался расширять?

Когда, наконец, заснуть удалось, мне начали сниться всякие кошмары. Вход в пещеру, мы трое не успеваем увернуться от массивных стволов падающих на нас деревьев. Долго вылезаем из завалов, уже без скафандров. Они разодраны в клочья, шлемы разбиты. А потом видим Лазарева при входе. Паша ставит над сводом свой браслет, включает его, машет нам призывно, и скрывается в пещере. Он тоже без скафандра. Спешим за ним, но когда добегаем, немного не успеваем – вход сдвигается, как в сказке про Али-Бабу, и мы тщетно пытаемся определить хотя бы место, где только что он находился.

Я проснулся в холодном поту, сердце учащенно билось. Несколько раз глубоко вдохнул, приводя показатели в норму.

– А что ты хочешь, болезнь еще не прошла. – спокойно говорил по связи Иван. – Организм у всех может реагировать по-разному.

С момента изоляции, напомнил доктор, миновало только четыре дня.

Мои товарищи при этом были в норме.

На следующее утро я решил вспомнить полезные навыки – заняться самостоятельным приготовлением пищи. Заказал материализатору поэтому не готовые блюда, а необходимые ингредиенты. Проводить время на кухне мне нравилось. Готовка помогала собраться с мыслями и разложить все по полочкам. Увлекал сам процесс. К тому же, всегда приятно питаться тем, что сделал сам. Не зря говорят, что большинство отличных поваров – именно мужчины. Так было во все времена.

А потом позвонил бортинженер.

– Угадай, кто подал заявку на патент новой модели расширителя? – спросил он.

– Лазарев?

– Ага.

Я, впрочем, не сомневался. Откуда бы иначе он мог знать о мобильном расширителе, если почти сразу после подачи заявки улетел сюда. Пашка был достойным продолжателем дела своего прадеда.

Впрочем, любой космонавт-исследователь имел на своем счету немало изобретений. Такова специфика нашей профессии, поскольку многое приходится отлаживать на практике. Разработчик не всегда имеет возможность предугадать, как поведет себя его детище в той или иной ситуации. Нельзя объять необъятное, как говорил Козьма Прутков.

Связь с Землей на Хоросе имела особенность заключалась в том, что связь представляла собой односторонний формат. Не было такого, как показывают в старой фантастике, где космонавты общались с центром напрямую по видео. Реальность расстояния вносила свои коррективы. И если в пределах Солнечной системы еще существовала возможность как-то разговаривать не прерываясь, при условии, конечно, что все происходило с чудовищными задержками, то в межзвездном пространстве такого даже не представлялось.

Связь внутри нашей системы напоминала интернет первых времен. Для обстоятельной беседы требовалось достаточное время, поэтому многие приспособились говорить только необходимое. За пределами же влияния Солнца связь осуществлялась по методу Красовского. Путем передачи пакетного видео. Наговариваешь все, что нужно, аппаратура записывает и отправляет. Через неделю Земля принимает твой сигнал и реагирует. Соответственно, еще через неделю получаешь ответ. Разумеется, все зависит от расстояния. Для ближайших к земле звезд время доставки сообщения сокращается.

На Земле у меня был человек, к которому я частенько обращался за помощью. Саша Зерцало, коллега по Институту Дальнего Космоса. Бывший, можно сказать, коллега, поскольку я не работал в институте лет восемь. С тех самых пор, как стал космонавтом-исследователем. С Сашей мы поддерживали, впрочем, приятельские отношения. И ему я отправил сообщение с просьбой кое-что узнать.

А у меня в запасе – две недели, чтобы постараться найти ответ – зачем Лазареву понадобился прибор. И через три дня после этих двух недель завершился срок самоизоляции. Самое время для того, чтобы снова сделать вылазку и посмотреть, что представляет из себя та пещера, куда мы так и не успели попасть.

Шестаков, однако, отреагировал на мое предложение довольно сухо.

– Там видно будет, – сказал он с интонацией, отдающей пессимизмом. – Вы пока поправляйтесь.

Оставшееся время я провел плодотворно. Порылся в Пашкином рабочем компьютере, просмотрел и скачал себе последовательность аппаратных действий материализатора в его

каюте. И занялся упорными вычислениями в своем кабинете. С утра и до вечера. С небольшим перерывом на обед.

К концу этих двух недель появилась и разработка – свой вариант носимого материализатора. И вариант браслета связи с гнездом под приборчик.

Проверил кое-какую информацию. Браслеты Лазарева и остальных девяти тоже исчезли из кают. И на связь после пропажи их обладатели не выходили.

К концу второй недели Саша прислал объемистое видеописьмо с прилагавшимися файлами.

– Серега, – сказал он мне с экрана, – тут все, что ты просил. Про первую экспедицию не особенно много получилось разузнать. Там не все так просто, как кажется. Из бывших на карантине никого не удалось найти. Непонятно как-то. А из не бывших никто по этому поводу ничего не говорит. Молчат, короче говоря. У меня такое ощущение, что им есть, что сказать. Но молчат. Ты сам как там? Давай, держись. Пиши, если что еще нужно будет.

Серега – так звали меня только друзья. Коллеги называли всегда Крисом. Производная от фамилии – Крестовский. Крис, не Крест. И на том спасибо.

Ответ Зерцало насторожил. И еще больше насторожило, когда поискал в справочниках сведения о тех, бывших в первой миссии на карантине. Все они заканчивались на моменте возвращения из экспедиции. Хотя про их коллег сведения имелись более подробные – чем они впоследствии занимались, где находились, какие выполняли работы.

Когда срок карантина завершился, Фомин по отдельности снова осмотрел всех нас. Облачен он при этом был в тот же костюм, что и при первом обследовании. А потом огорошил:

– Посидите пока еще недельку. Приказ командира. Нужно кое-что выяснить.

Что именно нужно выяснить, доктор не ответил. Вскользь упомянул только, что не все показатели пришли в норму.

И на мою просьбу уточнить, есть ли здесь связь с теми ребятами из первой миссии, ничего определенного не сказал.

Разумеется, у нашей пятерки такой вердикт Шестакова особого энтузиазма не вызвал. Да, конечно, приказ есть приказ. Только за три недели все уже порядком засиделись. Космонавт-исследователь – человек действия. И подбирают на эту работу людей с определенным темпераментом. Оставаться без дела нам противопоказано.

Наш план работ на предстоящую неделю в лабораторных условиях был исчерпан. Все уже выполнено за время карантина. В дальнейших перспективах значились только полевые исследования, которые, похоже, наступят не скоро.

Но для меня кое-какие дела нашлись. Я сверил свои разработки с тем, что прислал институтский товарищ. Частично внес в свои чертежи. Некоторые вещи не совсем выглядели понятными. С ними предстояло разобраться. И с удовлетворением отметил, что в каких-то деталях мои идеи оказались несколько совершеннее, чем в патенте Лазарева. Что ж, иногда себя можно и похвалить. Особенно, когда хвалить больше некому. Поскольку рассказывать о разработке пока особенно не хотелось. Нужно еще какие-то вещи довести до ума. И пару-тройку пунктов проверить.

Чем я и занялся на следующий день. Не вылезал из-за рабочего стола несколько часов, пропустил обед. Зато к ужину все было готово. Завтра утром можно включать материализатор.

– А что у тебя с браслетом? – спросил на следующий день Глущенко. – Командир проверить попросил.

– Не нравится, как старый работает. – я почти поверил в то, что говорю. К тому же, все являлось в большей степени правдой. – Кое-что усовершенствовал. Если интересно, могу рассказать поподробнее.

– Хорошо, так и доложу. Расскажешь, когда карантин у вас закончится.

Весь оставшийся день я наводил порядок в своем рабочем компьютере, перекачивал с него на браслет нужную информацию, даже подчищал файлы. Подсознание смутно твердило, что если Пашка никаких следов после своей работы не оставил, значит мне и подавно стоит так поступить. Хотя бы на всякий случай. Уж интуиция подводила меня редко.

Когда на следующее утро я зашел в каюту Лазарева, большинство обитателей базы еще спали. Шесть утра по местному времени. Подъем по расписанию через час. Не знаю почему, но мне показалось, что чем раньше сделаю то, что наметил, тем будет лучше.

Я включил на пульте браслета материализатор, ввел нужные параметры. И ничего не произошло. Пространство не изменилось, комнаты не расширились.

Внезапный громкий вой сирены заставил меня вздрогнуть. Всегда пугаюсь от неожиданных резких звуков. После небольшого ступора я быстро выключил прибор, но сирена не умолкала. Я выскочил в коридор, оставив дверь в каюту Пашки незатворенной. Бросился к своему кабинету. Открывая вдруг ставшую тяжелой и неподатливой дверь, соскальзывая в спешке руками по ручке, с ужасом успел заметить нереальность происходящего в коридоре.

Ребята из моего отряда повыскакивали на вой сирены, спросонья пытаюсь сообразить, что происходит.

– Назад! Прячьтесь! – кричу им я. Моего крика никто не слышит. Вой все перекрывает. И я вижу сквозь накрывающую волну страха, как в дальнем конце коридора из выхода в другие отсеки бегут к нам люди отряда космодесанта во главе с командиром базы. И у всех в руках боевые бластеры. Которые стреляют. Уже закрывая дверь, отмечаю, как падают мои товарищи.

У меня пять минут для того, чтобы успеть. Если только расширитель работает. Если нет – мне конец. Дверь взломают ровно через пять минут. Именно столько времени понадобится их приборам, чтобы расшифровать код и зайти в каюту. По-другому дверь не откроешь. Взорвать ее нельзя – никакая земная техника не сможет это сделать. Слишком прочный материал. Взрыв просто разворотит коридор станции.

Трясущимися руками я настраиваю прибор. Внимательно слежу, чтобы не упустить ни одного параметра. Время буквально летит. Пытаюсь не заикливаться на этом. Кажется получается. Нажимаю ввод и кнопку пуска.

В моей каюте расширитель заработал. Гостиная на глазах становится в три раза больше. Расширенное пространство четко отделяется от старого – на полу нет коврового покрытия. Лихорадочно перетаскиваю туда рюкзак с личными вещами. Рабочий комп легкий, но требуется время, чтобы забрать его из кабинета. Наконец, самый трудный этап. Материализатор. Он в кухне, тяжелый. На подставке, которую я и волочу по полу, обдирая руки о косяки дверей, сминаю мешающее ковровое покрытие.

Наконец, прибор на месте. Перебегаю границу действия расширителя, набираю на браслете пару комбинаций. Все. Падаю в угол, чтобы отдышаться.

Теперь я в совершенно изолированном помещении – той части гостиной, что возникла после работы прибора. Между мной и остальной частью капсулы прозрачная стенка, похожая на стекло. Перейти назад можно только при помощи моего расширителя. Чтобы изготовить такой же, нужно быть мной. Или Пашкой Лазаревым. Или воспользоваться нашими наработками. Но этого мало. Чтобы сгенерировать код, дающий команду на открытие стенки, понадобится лет пятьсот работы самого современного искусственного интеллекта. И то не факт, что получится. Вот почему в каюте Павла мой прибор не сработал. Поле действия было перекрыто Лазаревским расширителем. Два аппарата не могут работать в поле действия друг друга. И у них разные коды. Всегда.

Мысли пролетают мгновенно. В этот самый момент я вижу, что дверь в каюту им наконец-то удалось открыть. Вижу перекошенное лицо Шестакова. Вижу людей из десанта. В руках у всех действительно боевые бластеры. Оружие, из которого убили моих ребят.

С той стороны каюта представляется в обычном виде. Стена гостиной на месте. Все как прежде.

– Ищите, – кричит командир. Бойцы разбегаются по всем комнатам. Шестаков в гостиной. Он понимает, что меня здесь нет. Никто не знает, в какой комнате прибор сработал.

– Ушел, сволочь. – Всегда спокойный, здесь командир открывается мне с совершенно иного ракурса. Таким его видеть не приходилось никогда. Он озлоблен, и, похоже, чем-то напуган.

– Крис, – кричит он мне, – ты здесь, я знаю. Ты не должен уходить. Ваша болезнь смертельна. Ты должен вернуться. Только на Земле тебя вылечат. Вернись. Это приказ.

Так он кричит еще минут пять. То упрасивает, то угрожает. Взывает к моему чувству ответственности за свою жизнь. За жизни других тоже. Люди по ту сторону меня не видят и не слышат. Я их – да. Но я застыл и боюсь пошевелиться. Я не хочу умирать прямо сейчас.

Как же, вернись. Если бы я не видел гибели ребят, может и повелся бы на все эти увещевания. Но теперь выйти – значит погибнуть после выстрела из бластера. Наверное, это произойдет быстро.

Нет, я все же поживу еще немного. Разберусь, что с болезнью на самом деле. Тем более, никаких симптомов уже не проявляется. Да и всяко лучше умереть не от их выстрелов.

Я вижу, как Шестаков грязно ругается.

– Да и шут с тобой, – кричит он. – Все равно подохнешь.

Сплювывает и уходит. Десантники следуют за ним. Следующие полчаса я провожу в прощании. Такова реакция организма на все происшедшее. Ноги и руки трясутся, и эту дрожь ничем не унять. Пусть себе. Все равно никто не видит. Даже не пытаюсь взять себя в руки.

После в каюту приходит Глуценко со своей бригадой. Устанавливают датчики по всем комнатам. Маскируют, чтоб не бросались в глаза. Вот почему сирена сработала. Не просто на движение, а именно на действие расширителя. Любое действие.

Значит, Пашку ждали. И он, скорее всего, жив. Неужели правда? Это умозаключение окрыляет меня. Ничего, господин Шестаков. Мы еще повоюем.

Выходит, путь назад мне пока закрыт. Что делать дальше, тоже неясно.

Я достаю из рюкзака паек и обедаю. Аппетита, конечно, нет. Успокаиваю себя тем, что нахожусь в безопасности. Действия? Понадобится время, чтобы обстоятельно все обдумать. Утро вечера мудренее. Подкладываю под голову рюкзак и проваливаюсь в мутную дремоту, переходящую в тревожный сон.

Чуть раньше, когда новый браслет был готов к изготовлению, мне на ум пришло внести в него еще кое-какие усовершенствования. Функцию запрета передачи данных о своем состоянии и местоположении. Сигнал входящего звонка заменить на вибровывозов. И включить защиту от пеленгации. Все происходило путем набора пары комбинаций на виртуальной клавиатуре.

Руки еще дрожали, когда проделывали эту несложную операцию. Глаза закрывались от усталости. Вот теперь база не видела, где я нахожусь. Так оно надежнее. Техника должна верно служить только ее владельцу. А сейчас можно перевести дух. С этой мыслью сон совершенно одолел меня.

Сон отпускал постепенно. Как огромное ватное одеяло, он навалился и окутал тревожной дремотиной, сулящей не отдых, а заполняющей организм еще большей усталостью. Такое бывает, когда предыдущий день приносит массу не вполне положительных впечатлений. Всю ночь я отчаянно закрывал дверь в свою каюту. Ничего не выходило. И я снова и снова видел коридор, Шестакова и десантников, расстреливающих мой отряд. После командир подходил ко мне, отбрасывал бластер, протягивал руки к моей шее и душил меня с выражением величайшего наслаждения.

Проснулся я от нехватки воздуха. Издал даже громкий всхлип. Испугался. К счастью, звуки дальше расширенного пространства не проникали, тут же напомнило подсознание.

В моей каюте уже всю возились люди из вчерашней команды. Прибирали помещение. Я увидел издалека, как в прихожую затаскивают новый материалатор, заносят рабочий компьютер.

Потом приходили техники из бригады Глушенко. Что они делали, из гостиной видно не было. Приборы расставили на прежних местах.

Теперь многое стало проясняться. Похоже, для Земли будут передавать версию с нашим бесследным исчезновением. Как с прошлой сменой. Вот только поверит ли им Земля?

Догадки подтвердились, когда человек из инженерного отряда обошел все комнаты, фиксируя обстановку на камеру своего браслета. Явно для отчета.

Старший техник Миша Белькевич. В прихожей он вдруг подошел к моей прозрачной стенке и пару минут смотрел прямо на меня. Я застыл и постарался даже не дышать. Потом понял, куда он смотрит на самом деле. В иллюминатор каюты. Что там может быть интересного?

Я осторожно встал на ноги, подошел к окну и тоже выглянул. Там, за окном, шумел сосновый лес, вдалеке виднелась неширокая речка, а мимо базы проходила хорошо утоптанная тропинка. Пейзаж явно не Хороса. Обычный земной пейзаж. Такой, как например, в Оптиной пустыни, куда дед возил меня в детстве.

Только сейчас до меня дошел смысл ситуации. Я смотрел не из иллюминатора базы. Из окна. Натурального пластикового окна, левая створка которого была к тому же еще и закрыта москитной сеткой. И смотрел я на пейзаж, для данного места непривычный.

Явный результат работы расширителя. Продукта земных технологий. Я тут же потянул за ручку и открыл створку настежь. Минут пять с наслаждением дышал свежим сосновым воздухом. Стоял и любовался пейзажем.

Окно находилось примерно в паре метров от поверхности. Я выглянул наружу. Стенка из желтого огнеупорного кирпича, уходившая вверх тоже метра на два. По стенке вьется дикий виноград. Вся эта сторона в нем. А сама стена шириной метров десять.

Все-таки надо проявлять осторожность. Я вытащил из рюкзака респиратор, тут же надел. Мало ли что. Здесь не Земля. Я на Хоросе. Только в каком пространстве, пока неясно.

В боксе между тем навели порядок и ушли. Так-то оно спокойнее – можно и позавтракать. Сухой паек из рюкзака. Им я запасся основательно. Самым лучшим, по собственной рецептуре. Не знаю, что толкнуло меня позавчера дать команду материалатору изготовить хороший запас провизии. Сегодня можно с удовлетворением отметить, что предчувствия меня никогда еще не подводили.

После завтрака я повесил рюкзак на спину, открыл створку окна, и спустился по виноградным веткам вниз, предварительно затворив половинку окна за собой. Москитную сетку пришлось оставить в комнате.

Виноград у земли рос довольно давно, похоже, не меньше пятнадцати лет, поэтому его ветки и ствол без труда выдержали мой вес. Окно еще не заросло листьями. Значит, по нашим меркам, сейчас самое начало лета. К его середине в зеленых побегах была бы вся стена. Ее попросту нельзя было бы различить.

Снаружи моя капсула представляла из себя старый дом из желтого огнеупорного кирпича, увенчанный черепичной крышей. Красной. Я обошел вокруг, подергал входную дверь с противоположной стороны. Там, где у каюты был вход. Заперто. Изнутри. Снаружи ни замочной скважины, ни картоприемника, ни чего-либо похожего. Попытался приложить к месту под ручкой браслет с командой из специального приложения – результата ноль. Что ж, значит сегодня эту дверь не открыть. Отложим на неопределенное время желание посмотреть, что находится в каюте в другом измерении.

Я пошел по течению реки. По идее, она должна бы куда-нибудь впадать. В нашей реальности в том направлении было море, а что расположено здесь – посмотрим. Идти было ком-

фортно. И не жарко – в тени сосен, окружавших тропинку с обеих сторон. Земля выглядела утоптанной. По всем признакам, по тропинке ходили регулярно. Значит, есть надежда встретить кого-нибудь.

Пели птицы. Судя по всему, в этом мире имелась не только растительность. Пару раз на глаза мне попало животное, похожее на земного ежа. Еж неспешно пересекал тропинку, совершенно не испугавшись моего появления. И насекомые летали тоже.

Часа через полтора неспешной такой прогулки моему взору предстала опушка леса. Дальше шел песок – метров двадцать. И берег моря. Там, где заканчивались сосны, почти у самого песка, стоял деревянный дом размером примерно с тот, который я не так давно покинул. Дверь была приоткрыта. Я шагнул на крылечко, украшенное резьбой, почувствовал прохладу из коридорчика.

Свист позади испугал. Довольно резкий звук, который всегда вводит в ступор, хоть внешне это не всегда проявляется.

Но испуг быстро прошел. Поскольку свист этот я знал очень давно. Так свистеть мог только мой лучший друг.

– Так и зайкой можно остаться, – сказал я, оборачиваясь.

– Тебя оставишь, как же. Сам останешься.

Павел Лазарев стоял передо мной собственной персоной. Такой же, каким я всегда его помнил. Испытующе смотрел на меня пару секунд, как будто сканируя. Наконец, улыбнулся как обычно.

– Заходи, коль пришел. Будешь гостем. Респиратор снимай. Не нужен он здесь совсем.

Когда я недоверчиво потянулся рукой к респиратору, Лазарев широко улыбнулся.

– Я тебе больше покажу. Пошли.

Он направился к морю. На берегу скинул с себя комбинезон, разбежался и нырнул в воду.

– Присоединяйся!

На земле мы только в книгах и учебниках читали, что раньше люди плавали в морях и реках. После 2020 года проделывать подобное было строгойше запрещено. Угроза смертельной болезни – так твердили средства массовой информации и ученые, которым эти средства предоставляли слово. Так было написано во всех учебниках с первого класса. С тех самых пор купались только дома, в особым образом обработанной воде. Или в бассейнах. На станции тоже такой имеется.

Говорят, была раньше развита и индустрия отдыха на берегу моря. Отели и санатории. Разной степени комфорта. Сегодня они тоже сохранились. С бассейнами. Такие отели на самом деле стали появляться в начале 21 века. Приезжаешь как бы на море, и все время отпуска проводишь, в само море ни разу ступив. Потому что в отеле бассейн. Странная традиция.

По словам Лазарева, никакой инфекции на самом деле у нас не существовало. Здесь человеческий организм, соприкасаясь с местной атмосферой, постепенно возвращался к первоначальному состоянию гармонии с окружающим миром. На Земле мы давно лишились такой возможности и жили, окруженные целым рядом надуманных условностей. Эти условности, как результат внушения, а нередко и самовнушения, мешали современному человеку, создавали вокруг некий пузырь, препятствовавший трезвому взгляду на происходящее. Кому такое выгодно? Вопрос хороший.

Я видел, что Павел плавает. Ничего ему не делается. И последовал за ним. Еще полчаса назад думал, что уже ничему не способен в этой жизни удивляться. Ошибался, выходит. Никогда не мог представить, какое же наслаждение доставляет плавание в обычной морской воде. Соленой на вкус, позволяющей держаться на плаву. Ощущения такие, словно попробовал настоящий гриль, хорошо замаринованный и подготовленный, после того, как всю жизнь питался суррогатами вроде фастфуда.

Про еду здесь аналогии не зря появились. Похоже, в измерении, куда я попал, все раскрывается с натуральной стороны. Чего лишено современное человечество.

Пашка тоже, оказывается, любил готовить. Пока мы уплетали продукты местного животноводства, я узнал об этом немало интересного. Он разводил кур и уток, выкармливал поросят. Яичница с ветчиной, потрясающий вкус давно забытой настоящей еды. Еды из детства. Перед моим прибытием Лазарев как раз вернулся с площадки, которую оборудовал специально под свиноферму. Курятник располагался за домом и представлял собой большую огороженную территорию с сарайчиком. Там же находился загон для лошадей.

– Мои ребята тоже все погибли, – сказал он после того, как услышал историю, предшествовавшую моему появлению здесь. – Их расстрелял командир с десанниками, так же, как и твоих.

Напрашивались несколько выводов. Командиры экспедиций знали о переболевших нечто такое, что требовало немедленной их ликвидации. Получается, дороги назад нам не было.

Смириться с таким выводом совершенно не хотелось. При всех прелестях измерения, где мы сейчас находились. И кое-кто даже очень неплохо здесь устроился.

Насчет съемки техниками отчетов мы не пришли к единому мнению, для чего это понадобилось. Согласились друг с другом, поскольку сам факт такой съемки присутствовал, что на Землю передавались искаженные сведения. Кажется, капитаны использовали ситуацию в соответствии с только им понятными установками. Центр, похоже, вводили в заблуждение относительно некоторых вещей. Когда Павел узнал, что вся группа второй экспедиции считалась пропавшей, лицо его помрачнело.

– И вас также будут считать пропавшими.

В общем, получалось только резюмировать, что руководство на Земле не владело полной информацией. Все зависело от доклада командиров, которые действовали одинаково. Причина оставалась для нас загадкой.

Ладно, пожалуй останусь пока здесь. Поживу, подумаю, что делать дальше. Для первого дня с массой впечатлений – очень даже неплохо. Напоминает сказку.

Чуть позже можно поразмыслить, как вернуться назад и выяснить, что же происходит там на самом деле. Мой мир именно там. Там близкие люди, пусть и за двести световых лет отсюда. А что здесь?

Из рассказов Лазарева о времени, проведенном за последние семь месяцев, я уяснил для себя, что прошло оно с максимальной пользой. По мнению Павла, действие расширителя позволило наблюдать настоящий Хорос. Тот, который существует на самом деле. То, что видели люди, прилетая на базу – своего рода иллюзия. Планета обладает сознанием. Здесь подтверждается нечто, похожее на теорию Вернадского о ноосфере. И не всякому себя открывает. Почему? Не каждый из прибывших несет пользу здешнему миру. Сначала его как бы изучают.

– То, что видно в том измерении – как маскировочная сетка. Понимаешь, о чем я говорю?

Мне сразу вспомнились переплетенные корни деревьев, трава. О чем и было сообщено рассказчику. Павел улыбнулся.

– Не только это. Хорос не так прост, как кажется поначалу.

По его словам, и люди, живущие здесь, встроены в эту систему. Они помогают окружающему миру, а тот – им.

– Здесь есть люди?

Вот так новости. Сразу появилось желание узнать об этом поподробнее.

– Скоро узнаешь, – усмехнулся Пашка. – Надеюсь, не разочаруешься. Здешнее общество вот так вдруг не пускает к себе. Значит, ты уже готов.

Готов к чему? Однако, пусть все произойдет в свое время. Скоро – так скоро.

Дом Лазарева представлял собой точную копию наших кают на базе. Да и к чему выдумывать что-то другое, если наши жилые помещения спроектированы почти идеально. Пожалуй,

в них воплощен весь опыт человечества относительно представлений о комфортном жилье, переплетенный с научным подходом. Без всяких этих пошлых дворцов, двух- и трехэтажных особняков, прочей шелухи. Практичность, эстетичность, экономичность – кажется, таков девиз нашей современной архитектуры.

Единственная вещь, которой не имелось в каютах – камин. У Лазарева он располагался на кухне, и рядом с ним мы сейчас и сидели за столом. Камин, конечно, не горел. Лето вступило в свои права, вечером и ночью уже можно чувствовать себя комфортно. Да, и хозпостроек на станции у нас тоже не имелось. Все, что может потребоваться, получали из материализатора.

Материализатор Павла, к слову, стоял рядом с нами, на подставке, как и полагается. Интересно, каких трудов ему стоило приволочь тяжелый прибор сюда? При воспоминании о недавних событиях мои мышцы ощутимо отозвались – вспомнили, как перетягивали аппарат.

– У тебя тут электричество? – спросил я друга.

– Солнечные батареи. И приборная электростанция, на случай, когда нет солнца. И генераторы немного усовершенствовал.

Лазарев, как оказалось, перетасил материализатор в последнюю очередь. Сначала на базе изготовил батареи с проводкой, доставил их сюда. Батареи висели на соснах. На достаточной высоте. Где-то в песке тянулся к дому кабель от электростанции.

Вечером мы снова плавали в море. За день вода прогрелась. Было ощущение, что купаешься в теплом молоке. И вылезать на берег совершенно не хотелось.

Теперь я начинал понимать друга, у которого не виделось никакого желания покидать это место. Если и имелся где-то в наших мечтах рай, для многих он выглядел именно так.

Наутро после завтрака Павел снова заставил мои нервы немного пошалить.

– Сиди здесь, – сказал он. – Сейчас кое-что покажу. Только не делай резких движений.

Заинтригованный, я в недоумении уставился на дверь кабинета, за которой скрылся Лазарев. Через минуту дверь открылась. На пороге комнаты стоял человек, которого я где-то когда-то встречал.

– Ну как? – спросил он голосом Пашки. Затем щелкнул по экрану браслета и спросил уже другим голосом:

– А теперь узнал?

Голос я узнал. Когда-то довелось несколько месяцев поработать вместе с его обладателем. Передо мной стоял вылитый Николай Ряскин, командир второй миссии на Хоросе. Высокий, похожий на медведя. С добродушным взглядом.

– Ну ничего ж себе. – Только и смог сказать я. Сходство было абсолютным. Даже для меня, который знал Ряскина достаточно хорошо.

Мой друг сконструировал еще один прибор, который позволял его обладателю становиться другим человеком. Действие прибора состояло в подробном сканировании воспоминаний мозга на предмет общения с тем, в кого хочешь преобразиться. Затем все параметры переносились в память преобразователя (так назвал Павел свое изобретение). Прибор умещался в браслете в виде дополнительной программки.

Я сразу вспомнил сказки про то, как хлопнулся Иванушка об землю, и стал... Кем же он там стал? Кажется, ясным соколом. Что ж, мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

– И часто ты здесь перевоплощаешься? – спросил я.

– Да нет. Незачем. Решил просто похвастаться.

Я рассказал другу, как немного поработал над его изобретением. Увидел заинтересованность, и разговор мы продолжили у компьютера. Поделился своими наработками и получил от изобретателя оценку трудам:

– Ты знаешь, неплохо получилось. Кое-что мне и в голову не приходило.

Затем нам предстояло ознакомление с окружающей местностью, которое пришлось провести пешком. На лошади я вообще не сидел ни разу, а уж тем более без седла. Все передвиже-

ния здесь осуществлялись почему-то именно таким способом. Планета и ее обитатели, разумеется, имели представление о современных средствах транспортировки. Однако, по словам Павла, пользовались ими только в случае крайней необходимости. Старались жить в гармонии с окружающим миром.

Через полтора часа ходьбы по широкой тропинке вдоль морского берега под защитой леса от солнечных лучей мы увидели небольшую деревушку, вытянувшуюся вдоль побережья. Деревянные дома стояли в тени сосен. Всего их насчитывалось около двадцати.

Впоследствии я узнал, что именно в таких компактных поселениях обитало большинство жителей планеты. В отличие от землян, давно обустроившихся в мегаполисах. На земле, конечно, существовало сельское хозяйство. Но все фермы были настолько автоматизированы, что процессом спокойно могла управлять небольшая семья. Что, собственно, и происходило. Такие люди сохраняли прежний размеренный уклад жизни, можно сказать, наслаждались ей. Никуда не спешили. И их было мало.

Процесс урбанизации, начавшийся с конца XX века, неумолимо взял верх к нашему времени. Тогда, в самом его начале, многие ученые и политики били тревогу – село вымирает! Нет, как оказалось, не вымирает. Это неизбежность с развитием науки и техники. И если в начале того же XX века без усилий большой группы людей никак нельзя было справиться с выращиванием и уборкой тех же зерновых, содержанием скота, птицы, то к последней четверти того же столетия роль механизмов начала отчетливо вырисовываться. Что говорить про наше время, когда двое-трое фермеров при помощи автоматов собирали урожай, кормивший не только их семью, но и миллионы других.

Здесь, конечно, стоит сказать и о том, какую негативную сторону открыла нам вся эта автоматизация. Вместе с развитием техники развивалась, например, такая наука, как генная инженерия. Урожайи всех культур были, конечно, при ее помощи защищены как от вредителей, так и от природных катаклизмов. Но вся сельхозпродукция изменила свои характеристики. Стала несколько синтетической, что ли. И уже в наше время то, что мы помнили по детству, осталось только воспоминанием.

Одним словом, люди победили природу, но вместо натуральной продукции создали суррогаты. И если это победа, то Пиррова. Как-то так.

Наука наша дошла до того, что пищу можно теперь было получить и из материализатора, который попросту брал из атмосферы необходимые для приготовления элементы. Сейчас эти приборы применялись в основном в космонавтике. Но многие считали, что со временем они заменят для нас продукцию фермеров. Вот оно – будущее человечества. Как по мне, такое будущее все больше отдаляло нас от первооснов.

Вот почему мы не могли на Земле слиться с природой. Достижения науки попросту изменяли человеческий организм. Желудок не способен был уже принимать натуральную воду и пищу. Кожа – соприкасаться с природными водоемами. Ну и так далее. И мне начинало казаться, что чем больше человечество развивало свои возможности, тем большую цену платило за такое развитие. Страшно представить, что может произойти после нас. Когда ресурс Земли исчерпается. И, похоже, ждать осталось недолго.

Хотя, если взять ту же нефть в качестве примера, кое-какие положительные моменты будущего можно уловить. Когда выкачали все ее запасы, а случилось это к концу 21 века, катастрофы никакой не наступило. Может быть потому, что двигатели внутреннего сгорания к тому моменту безнадежно устарели. На смену им пришли новые, совершенно другие технологии. К этому времени изменились взгляды и на многие фундаментальные постулаты физики, что и позволило новой технике появиться.

Злые языки, впрочем, поговаривали, что все эти технологии разрабатывались еще на заре появления ДВС, и что существовали определенные силы, которые внедрению альтернативной техники попросту препятствовали. И мне всегда казалось, что это мнение не лишено было

основания. Если вспомнить из истории, как развивались крупнейшие нефтегазовые корпорации, то сомнения только увеличивались. А уж если еще привести на память и криминальные сводки на рубеже двадцатого и двадцать первого веков... И продолжить рассматривать их к концу этого временного отрезка. Когда корпорации уже понимали, что ресурсы на исходе и продолжали всячески стопорить внедрение новых технологий. Отвлекали, так сказать, внимание общественности. Вспомните хотя бы историю с компаниями того же Илона Маска, «Тесла» которого эти самые корпорации использовали, как способ дискредитации самой идеи доступного электромобиля.

Немногие смогли взглянуть на ситуацию с позиции будущего, перестроиться. Стать во главе прогресса. Большинство из известных в прошлом столетии нефтегазовых гигантов попросту канули в небытие. И та же «Тесла» вместе с ними. Потому что появились действительно доступные решения.

– Не лежал никто из нас тогда на берегу без сознания, – сказал Лазарев, когда мы уже почти подошли к деревне. – Шлемы сняли и работали на свежем воздухе. Пока Ряскин не заметил. Он ругался и кричал на всех, приказал сразу же возвращаться на базу. И всех на карантин посадили. Простуда у некоторых потом проявилась. В легкой форме. А больше ничего экстраординарного.

Мы направились к одному из домов. Здесь было всего две улицы, если их можно так назвать – дома стояли напротив друг друга в шахматном порядке.

Местное население от землян почти ничем не отличалось. Все выше среднего роста, с отличной комплекцией – подтянутые, стройные. Удивляться нечему – они живут в гармонии с окружающим миром. Трудятся, развиваются. Дети поглядывали на меня с любопытством – к Павлу успели привыкнуть и считали за своего.

В каждом дворе свое хозяйство, вроде того, какое имелось у моего друга.

Позже я узнал, что одиночные поселения здесь – не редкость. Вроде хуторов на Земле. А города на Хоросе были небольшими, компактными. Но большинство людей все же обитали в сельской местности. В городах сосредоточились производства, научные разработки. Взаимодействие с селом было самым тесным.

Планета жила по законам самоуправления. В доме старейшины деревни – Альберта – нас ожидал теплый прием. И не только потому, что все тут были гостеприимными. Лазарев оказывал знаки внимания Лее – дочери Альберта и Норы, а та отвечала взаимностью. Вот она, причина, по которой Павел никуда не желал возвращаться. И, глядя на его избранницу, я отлично понимал своего друга. Лея являла собой тип миловидной девушки. Едва взглянув на нее, невозможно было не почувствовать симпатию. Подсознание иногда с первого раза подсказывает, что человек – с чистой душой. Шатенка, роста чуть ниже среднего. И к тому же умевшая поддержать разговор, с чувством такта и собственного достоинства.

На Земле такие девушки были в наше время редкостью. Процесс феминизации, который начался в конце XX века, подчас принимал совершенно уродливые формы. Стремление женщин первенствовать во всех сферах сыграло позднее с обществом злую шутку. И с институтом семьи также. И большинство мужчин оказалось просто не готово к такому повороту событий. Развитие коммуникаций и технологий усугубили эту проблему. Только лет десять назад все эти болезни общества стали сходиться на нет, а между полами начал устанавливаться тот обычный вид общения и взаимодействия, который и присущ развитому обществу.

Помню, как прадед рассказывал историю из времен своего пребывания в университете. Как-то к ним приехали в аудиторию молодые американцы – парень и девушка. И интересно было наблюдать, как американка держала себя и подавала – с агрессивной уверенностью в собственном превосходстве, без малейшего намека на какие-либо уступки в праве на первенство. Ее спутник, впрочем, этого не оспаривал. Стоял себе рядышком молча. Зажатый и забытый. Прадед тогда еще поразился такому их поведению. А через время оно стало повсеместным.

Дошло до того, что мужчины на Западе стали даже опасаться оставаться в лифте один на один с дамами. Боялись обвинения в домогательствах. В общем, как сказала бы моя прабабка, ужас что творилось. И это только один из примеров такого рода.

В том числе и из-за причин такого бурного исторического прошлого женщин в космические экспедиции старались не брать. Еще на заре пилотируемых полетов тенденция эта уже прослеживалась. А сейчас стала почти законом. Они, впрочем, не обижались. Хватало работы на Земле, кое в чем мужчин и превосходили. И это не оспаривалось.

А Лазарев подошел как раз к такому возрасту, когда по нашим меркам традиционно создавали семью. Тридцать пять лет. Что ж, глядя на Лею, я понимал – дело за этим не станет.

В гостеприимном доме Альберта и Норы за пару часов общения мы успели перезнакомиться почти со всеми жителями деревни. Они под разными предлогами заходили в дом старейшины, подсаживались за большой стол. Беседовали неспешно. Я снова отметил, что на лицах удивительным образом отражалось выражение собственного достоинства вместе с уважением к собеседнику. Здесь никто никого не перебивал. Ждали, пока человек закончит изложение своих мыслей. Только тогда начинали говорить сами. Никто не давал друг другу непрошенных советов. И никто не повышал голоса.

И детей не прогоняли. Они заходили вместе с взрослыми, также присаживались к столу. Разве что в беседе участия не принимали. Больше слушали. С ними обращались, как с равными. Дети это понимали и старались показать своим поведением, насколько ценят такое отношение.

Деревня располагалась в тени сосен. На берегу находился причал, несколько лодок. Лодки эти представляли собой продукт современной науки. Небольшие мощные судна на магнитном ходу. На них передвигались по морю, если возникала такая потребность. С них ловили рыбу. Рыбу потом отправляли в здание переработки, располагавшееся дальше вдоль берега, через сотню метров после крайнего дома деревни.

За деревней начинался лес. Тот самый лес, по которому я шел от базы к Лазареву. Здесь была его окраина. Дальше на восток, за рыбной переработкой, виднелись заросшие травой пустоши. До следующего поселения было достаточно далеко. Пустоши предстояло со временем освоить. Насадить какой-нибудь культурой. Или продлить лес. Поселенцы еще не решили. «Что скажет планета», – сообщил мне на этот счет Альберт во время импровизированной экскурсии, на которую мы отправились с его помощником – Владом, жившим по соседству. Пашка от экскурсии, по понятным причинам, уклонился.

На севере, за лесом, на расстоянии с полкилометра. находились сельхозугодья и строения ферм, ангары с техникой, мастерские, а также производственные помещения. Здесь сортировалось и упаковывалось все для города. Дальше виднелась дорога, по которой увозились в город местные продукты и привозили нужные механизмы.

Посреди леса возвышалось массивное здание из желтого кирпича. Туда мы собирались наведаться в последнюю очередь. Дворец Единения, как пояснил Старейшина. Посещение Дворца было главной частью сегодняшней дневной программы.

К концу дня во Дворец собрались все жители. Происходящее здесь оставило у меня двойное впечатление. Не сказать, что действо представляло собой некую религиозную форму. Но и обычным это мероприятие назвать нельзя.

Свой Дворец присутствовал в каждом поселении на Хоросе. А в городах – в каждом жилом квартале. Здесь отмечали любые мало-мальски значимые события в жизни общины и каждой семьи. В главном зале был установлен круглый стол, где все рассаживались. Старейшина зачитывал отрывки из истории планеты. Рассказывали о прожитой неделе. А потом, взявшись за руки, благодарили природу за единение, за прожитое время. И просили содействия на будущее. Примерно так это выглядело.

Как по мне, все это напоминало собрания анонимных алкоголиков. Такие собрания, кстати, практиковались у нас до сих пор. Причем, пользовались определенной распространенностью.

Я за столом поделился со всеми своей историей появления здесь. А потом вместе со всеми поблагодарил планету и попросил содействия на будущее. На всякий случай.

– Ну расскажи, пожалуйста, про вчерашнее, – обратился я на следующий день к Лазареву, после того, как мы вернулись в его дом. – Неужели во Дворце все серьезно?

– Сам думал поначалу, что нет. Пока планета не ответила мне.

– Как ответила?

– Поймешь потом. Когда ответит тебе.

Было видно, что на эту тему говорить он больше не хочет. А раз так, пытаться бесполезно. Если все это похоже на веру, то оскорблять его чувства в мои планы совершенно не входило. Поэтому дальнейшие расспросы я свернул. Может и правда, ответит Хорос. Только я пока ничего у него не спрашивал.

Следующие пару недель я наслаждался жизнью в месте, которое можно было бы и вправду назвать раем. Плавал в море, сидел за компьютером Павла, гулял, проводил кое-какие исследования. В общем, отдыхал, работал, размышлял. Лазарев при этом каждый вечер уезжал известно куда на лошади, и возвращался уже ближе к полуночи, когда я крепко спал.

Через две недели я окончательно убедился, что этот мир моим стать не сможет. Я попросту не видел никакого смысла здесь оставаться. Домом я считал Землю. Пусть потерявшую первозданность. Пусть лишенную многих здешних красот. Но то было место, где я родился и вырос, многое познал и кое-чего достиг. Место, где жили родные люди. И я, пожалуй, впервые понял, что такое настоящая тоска по родине. И с того самого момента начал обдумывать, как вернуться. Несмотря на то, что на базе меня поджидала верная гибель. Мозги даны нам природой и для того, чтобы выходить с честью из сложных ситуаций. Впрочем, моя ситуация – не просто сложная. Безвыходная.

С этого времени я стал плохо спать по ночам. И так продолжалось несколько дней, пока, наконец, в голове не начали прорисовываться некоторые соображения. Обдумывая и развивая их, я пришел к выводу, что положение не такое уж безвыходное. Если Лазарев поможет мне, кое-что да может и получиться. Надо только хорошенько все обмозговать с ним.

А Павел, несмотря на занятость амурными делами, мое состояние, как оказалось, замечал. До поры он не спрашивал ничего. Ждал, пока я сам не поделюсь.

Я вспомнил, как выматывало нахождение на изоляции на базе, сравнил со своим нынешним состоянием. Сейчас меня угнетала не неопределенность положения, а вынужденное бездействие. Один к одному. Но начинать какие-то дела без тщательного планирования – бессмысленно. Нужно набраться терпения.

Когда я поделился своими мыслями с Павлом, он долго сидел, ничего не говоря. Обдумывал. Высказал мне свои мысли. И решено было действовать.

– Я так и знал, что ты здесь не захочешь оставаться, – сказал мне Лазарев. – Жаль, могли бы вместе таких дел наворотить на пользу планете.

На следующий день мы отправились к базе. Вернее, к ее проекции в этом измерении. Дом из желтого кирпича все так же стоял среди леса, а напротив, отделенный тропинкой, возвышался другой. Точно такой же.

Это проекция каюты Лазарева. Я не заметил ее, когда уходил. Поскольку материализатор Павла был далеко на тот момент.

Поднялся по винограду в окно, проник внутрь. В моем бывшем жилище ничего не изменилось. И датчики также находились на месте. Вслед за мной сюда поднялся и Пашка. Мы осмотрелись и приступили к первой части плана.

Браслет-коммуникатор работал как прежде. Связь с остальными участниками экспедиции существовала и в другом измерении. И несколько раз за время моего пребывания за пределами станции меня пытались вызвать Шестаков, Фомин и Глущенко, а также пара знакомых ребят из бригады инженеров. Разумеется, все звонки я игнорировал. Запеленговать же местоположение браслета в зоне действия материализатора было невозможно.

Через несколько дней попытки связаться со мной прекратились. Что ж, настало время самому позвонить.

Доктор не отвечал минуты полторы. Затем я услышал его настороженный голос:

– Да, Крис. Слушаю тебя внимательно.

Никакой радости в таком ответе, конечно, и не следовало ожидать. Для него я был изгоем, как, впрочем, и для остальных участников экспедиции.

– Привет, Иван. Как поживаешь?

– А где ты? – Фомин ответил вопросом на вопрос. – И что хочешь?

– Не соскучился за мной?

– Слушай, давай без шуток. У тебя смертельное заболевание. С каждым днем оно усугубляется. Надо выходить, Сергей. Надо лечиться.

– Ага. А лечить меня бластером будут? – не удержался я от возможности съязвить.

– Каким бластером?

– Ну, как моих ребят?

– Зачем ты так, Крис. Твои ребята тоже пропали. Так мне сказали. Я думал, они с тобой. А где ты находишься?

– Недалеко.

Врет же. Все он знает, что с нами случилось. Только для чего это нужно, я пока не мог разобраться.

Для меня важно было потянуть время, а Лазарев пускай повозится здесь с кое-какими приборами. Поэтому дальнейший наш разговор пошел по заранее намеченному сценарию. Я во всех подробностях рассказал Фомину, насколько плохо себя чувствую. Перечислил все симптомы и признаки, какие только смог придумать. Разумеется, не забывая о правдоподобности. В деталях расспрашивал, что делать. Так прошло минут десять.

Наконец, утомленный разговором, Фомин посоветовал мне вернуться, потому что я, по его словам, был близок к смерти, и мне срочно требовалось лечение.

– Я и сам собирался так поступить, – сказал я как можно более неуверенным тоном. – Только нужно ведь сначала с командиром переговорить. Передай ему, что завтра, в это же самое время, наберу его. И скажи, что опасаюсь за свою жизнь.

– Хорошо, передам. Ты не тяни со всем этим. Дело серьезное.

И Фомин тут же отключился. По всей видимости, сразу начал звонить командиру. Или пошел к нему сам.

– Сработало? – спросил я Пашку.

Он поднял вверх большой палец.

– Все в порядке. Действуем дальше.

Мы вытащили в окно мой материализатор и рабочий компьютер, а затем последовали в каюту Лазарева. Здесь так же все было по прежнему. И датчики тоже оставались на своих местах.

На другой день ситуация повторилась. С той лишь разницей, что когда мы забрались в мой бокс, там уже находился сам Шестаков. Разумеется, нас не было видно. Но ощущение не из приятных – смотреть на человека, который убил твоих товарищей и едва не убил тебя.

Разговора, такого, каким его хотел видеть я, не получилось. Да и не могло получиться. Командир был неискренен. Он напирал на те же аргументы, что и Фомин – мою смертельную болезнь, которая может закончиться трагически, если не начать лечение. А на вопрос, зачем

он так поступил с ребятами, Женя оправдывался в духе, что, мол, тебе показалось. И пел ту же песню, что и Фомин – они, якобы, пропали.

Разумеется, я сделал вид, что поверил. Но показал, будто колеблюсь. Долго торговался насчет собственной безопасности. Говорил, что в принципе, чувствую себя не так уж и плохо.

– Пока, Крис, не так уж и плохо, – горячо убеждал меня Шестаков. – Все скоро может стать гораздо хуже.

Я поторговался еще немного. Командир постоянно повторял, что со мной ничего не произойдет. Ну и, конечно, время от времени расспрашивал, где я в данный момент нахожусь. А также поинтересовался, каким образом я туда попал.

Я заверил его, что все произошло совершенно случайно, и мои действия были вызваны только испугом. Мол, сам очень долго не понимал, как вернуться, пока, наконец, не удалось выйти с вами на связь. Обещал все рассказать и показать, когда вернусь. Выторговал себе недельку на размышление. И попросил, чтобы в условленный день здесь встречал меня только доктор, который проведет осмотр и вынесет вердикт о моем дальнейшем состоянии. И чтобы доктор был один. И чтобы все происходило без разных фокусов, иначе я не сдамся.

Все это Шестаков мне клятвенно пообещал. На этом мы и расстались.

И этим людям я когда-то доверял. В жизни случаются такие вещи, когда тебя подводит тот, от кого совсем не ожидаешь. Самое страшное, что подчас это исходит от человека, на которого никогда и не подумаешь. Особенно горько бывает, когда тебя предают люди, которым доверял безраздельно. И часто, как ни странно, это – самые близкие люди.

Экипаж станции я не считал чужим – с многими из ребят довелось пройти через трудности, которые сплотили – все благодаря взаимовыручке. Нас, в конце концов, подбирали на предмет работы в команде, психологическую совместимость и прочие подобные вещи. Тем большее было разочарование. И еще – неужели Земля что-то упустила, посылая нас сюда? По крайней мере командиры экспедиций действовали в противовес служебным инструкциям. Интересно, что скрывается за всем этим?

Всю последующую неделю мы с Пашей усиленно работали. Проводили вычисления, нагружали материализатор выпуском полезных вещей. Не забывали плавать в море. Только визиты к Лее Лазареву пришлось сократить. Девушка отнеслась к этому с пониманием.

В деревню мы с другом все же наведались. Жители были в курсе наших приготовлений. Пришли попрощаться – во всяком случае, я. Пашка понятно для чего еще. И у нас было одно общее дело. Сегодня все по традиции собирались во Дворец.

– База может каким-то образом проникнуть в это измерение? – поинтересовался я у Альберта.

– Конечно не может. Поверь, есть выходы в тот мир. И соответственно проходы сюда. Но все они надежно защищены. Ты мог и сам это оценить, когда пытался сюда попасть. Помнишь пещеру? Упавшее дерево было только малой частью препятствий. Планета сама все делает. И сама себя может защитить.

Сидя за столом в зале Дворца Единения, я слушал отрывки из истории, которые читал старейшина. После всех взяли слово мы с Лазаревым. Рассказали, что собираемся предпринять. Попросили у Хороса поддержки. В этом мы нуждались, как никогда.

«Откликнись на мою просьбу, когда мне понадобится твоя помощь» – мысленно обратился я к планете. И в тот момент, сидя в большом зале дворца, окруженный людьми, проявившими по меньшей мере сочувствие, действительно ощущал себя частью единого целого.

Анонимными алкоголиками теперь собравшиеся не казались. Потому что искренно переживали за нас. И желали нам успеха. И еще потому, что помощь планеты – если все действительно работало – нужна была, как никогда.

После собрания Альберт предложил содействие поселенцев, если что-то понадобится. Мы, разумеется, отказались. Справимся сами. Да и не стоит подвергать опасности этих гостеприимных людей.

На другой день нашим планам суждено было свершиться. Или нет, при неудачных раскладах. Мысль о неудаче я отогнал сразу. Разумеется, всего предусмотреть невозможно. Но все наработки позволяли смотреть в будущее с оптимизмом.

Мы отправились к базе пораньше. Предстояло кое-что приготовить. Через полчаса в моей каюте появился Фомин. Настороженно вошел, остановился посреди коридорчика. Он не знал, в какой комнате искать меня. Покрутил головой.

– Ваня, привет. – сказал я по браслету. – Запри за собой дверь, пожалуйста. Мало ли, вдруг меня попытаются убить. Только тебе доверяю. Ты же доктор.

На самом деле больше никому на базе я не верил ни на грамм. Если тебя наметили убить, это обязательно сделают. Пусть не сегодня. И не на глазах у всех. Подстроят какой-нибудь несчастный случай, вроде утечки вещества в каюте. В том, что меня собираются снова держать здесь взаперти, я не сомневался.

– Крис, ну о чем ты говоришь. Я гарантирую твою безопасность.

Дверь он все же закрыл на замок. Я был уверен, что за дверью стояли ребята из группы десанта. И, наверняка, Шестаков. Ну ладно. Если они здесь, устроим небольшое представление.

– Подойди к иллюминатору в гостиной. Я скоро выйду.

Фомин начал облачаться в специальный защитный костюм, в котором осматривал нас на карантине. То ли правда верил, что у меня вирус, то ли меня хотел в этом убедить. Как только он наклонился и засунул ногу в одну из штанин, мы с Лазаревым начали действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.